

О. С. НАГОРНАЯ, И. В. НАРСКИЙ

СТРАХ В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ*

Сегодня «историю эмоций» уже нельзя назвать ни «просто очередным модным течением», ни «выходом из кризиса постмодернистского историописания» (Я. Плампер)¹. Пройдя горнило двадцатилетних методологических дебатов и процесс институционального оформления, данное направление заняло прочное место в ряду культуралистских подходов к изучению исторических феноменов. Представляемый сборник, изданный в серии «Исследования Холодной войны», является существенным вкладом в «эмоциональные» дискуссии и обращается к анализу «самой всеохватной, интенсивной и демократичной из всех эмоций»² (Д. Бурк). В центре внимания 19 статей находятся вопросы о политической манифестации страха и методах обращения с ним различных обществ Запада и Востока во время Холодной войны.

Изучение коллективных страхов на материале Холодной войны представляется весьма перспективным, считает автор вводной и концептуально наиболее насыщенной статьи Б. Грайнер (с. 7–31). Ведь политика устрашения являлась одним из ключевых пунктов в инструментарии двух супердержав, а страх перед ядерной катастрофой превратился в «эмоциональный центр Холодной войны». Однако исследование страхов Холодной войны позволяет изучить не только историю самой эмоции, но и внести существенный вклад в разработку более широких тематических полей. Во-первых, в страхах аккумулируются индивидуальные и коллективные представления о прошлом, настоящем и будущем. Во-вторых, страхи являются важными маркерами состояния общества, так как от культурных норм и стандартов зависит способ артикуляции страхов или их замалчивания, а в ходе публичного обсуждения меняется ощущение страха. В-третьих, в страхах и способах обращения с ними отражаются многогранные властные и институциональные интересы. Манипуляторы охотно используют склонность человека к индивидуальному и коллективному «испытанию страха» в целях (само)мобилизации населения. Наконец, коллективные страхи требуют создания уравновешивающих конструкций. Так, во время Холодной

* Рец. на книгу: Greiner B., Mueller Chr. Th., Walter D. (Hg.) Angst im Kalten Krieg. Hamburg: Hamburger Edition, 2009. 528 s.

¹ Из последних публикаций на русском языке см.: Матвеева, Шлапенток. 2000; Плампер. 2007. С. 453–460 (цитата – с. 458); Российская империя чувств...

² Цит. по: Greiner. 2009. S. 18–19.

войны возникает феномен «нуклеаризма» (Р. Д. Лифтон) – смесь из равнодушия и привыкания, который стал одной из стратегий приспособления общественности к экстремальной ситуации за пределами господствующего дискурса.

Постановка вопросов, объединяющих усилия авторов сборника, нацелена на решение проблемы «политической коммуникации вокруг страха и его общественных последствий». Их интересует «как проявляются страхи и как различные общества на Востоке и Западе обходятся с ними» (с. 18). В рамках конкретных исследований авторы сборника пытаются найти решение целой совокупности методологических проблем, заявленных во вводной статье: как отыскать в письменных и визуальных источниках следы индивидуальных, групповых и коллективных страхов? Как выделить страх среди других мотивов, определяющих человеческие действия? Как отличить действительный страх от конструируемого? Эти и ряд других дискуссионных вопросов исследуются на основе слухов, текстов, визуальных образов и протестных акций.

Обширная проблематика истории страха сконцентрирована редакторами вокруг трех ключевых тем, определивших структуру сборника. Первая из них, давшая название первому разделу книги – «Защитные пространства» – посвящена мерам по защите гражданского населения от возможного ядерного удара в США (Э. С. Зингер, с. 34–60), ФРГ (Ф. Бис, с. 61–93), ГДР (К. Т. Мюллер, с. 94–122), Норвегии (С. Серли, с. 123–148) и Швеции (М. Кронквист, с. 149–170). В 1950 – 1960-х гг. руководители гражданской и воздушной обороны всех страх столкнулись с одинаковой дилеммой: с одной стороны, они были вынуждены нагнетать страх, с другой – создавать иллюзию безопасности. Примечательно, что обеспечение будущего покоилось на воспоминаниях о прошедшей войне. В Западной Германии страх перед новыми воздушными налетами в 1960-х был выше, чем страх перед коммунизмом. Здесь, как и в США, правительство отказалось от финансирования частных бункеров и передало дело на откуп самих граждан, фатализм которых привел к провалу мероприятий гражданской обороны. К специфике ГДР, как и других стран Восточного блока, следует отнести повышенную политизацию мероприятий обороны, нацеленных не столько на защиту населения, сколько на социальное дисциплинирование и контроль, воспитание «сознательных» граждан и, в конечном счете, стабилизацию режима. В Швеции и Норвегии, государственная идентичность которых также базировалась на переработке не столь драматичного опыта Второй мировой, оборонительная кампания, напротив, увенчалась большим успехом.

Холодная война послужила дальнейшему сплочению скандинавских наций перед лицом предполагаемой советской угрозы и необходимым условием для «золотого века» североевропейской социал-демократии. В отношении обеих стран можно с большой долей уверенности и убедительности констатировать факт «приручения» Холодной войны, то есть трансформации страхов перед массовым уничтожением в глубокое чувство защищенности и стабильности.

Различные варианты политики устрашения, преимущественно на материалах социалистических режимов, представлены во втором разделе сборника под названием «Декорации страха». В двух статьях, посвященных Восточному блоку, авторы пытаются доказать, что коммунистические властители с целью консолидации своего господства были вынуждены генерировать и драматизировать коллективные страхи. При этом Холодная война предоставила им необходимый и плодотворный фон. На примере послевоенного Калининграда О. Сезнева (с. 172–189) прослеживает, как локальные кризисы были инкорпорированы государственной властью в глобальную политику Холодной войны. Автор приходит к выводу об использовании страха прибывших в Калининград из Белоруссии и Украины крестьян в политических интересах властителей, которые компенсировали боязнь перед враждебным окружением с помощью пропагандистского представления города как защитного бастиона Советского Союза. По мнению О. Сезневой, замена «немцев» в галерее образов врага советского послевоенного общества на «англо-американских империалистов» трансформировала страх перед чем-то конкретным в страх перед чем-то абстрактным.

М. Файнберг (с. 190–219) рассматривает показательные процессы после Второй мировой войны в Венгрии, Польше и Чехословакии как одно из основных средств создания и использования страха. Исходя из довольно неоднозначной «теории ниш», он утверждает, что единственным желанием большинства восточноевропейцев был уход в частную жизнь, однако, посредством репрессий и террора Холодная война проникла и на индивидуальный уровень и внесла страх «в дома и сердца людей во всей Восточной Европе» (с. 219). Именно из чувства страха, по мнению автора, большинство капитулировало перед властными устремлениями диктатуры. Сомнительный характер столь однозначным выводам автора придает источниковая база статьи, состоящая в основном из воспоминаний жертв процессов или их родственников, опубликованных в западной эмиграции. Вне поля зрения автора остается и су-

ществование достаточно обширных групп населения, веривших, использовавших или просто приспособившихся к новому режиму.

Сквозь призму исследования индивидуальных страхов советского лидера Н. С. Хрущева С. Шаттенберг (с. 220–251) по-новому освещает, казалось бы, давно изученный вопрос о причинах резкого охлаждения международных отношений после 1960 г. Основу преследовавшего Хрущева страха перед унижением автор видит в его неумении найти свой неповторимый международный стиль. С этим же были связаны и неудачные попытки перенести усвоенные в сталинском окружении приемы на «дипломатический паркет» и сочетание стремления к личному признанию с желанием добиться признания Советского Союза как сверхдержавы. Неспособность американской стороны распознать потребность своего визави в уважении, проявившаяся в том числе в полетах U2 над советской территорией, привела Хрущева к убеждению, что Запад не способен оценить его усилий по разрядке международной напряженности, и к новому витку Холодной войны.

Б. Шеффер (с. 252–277) в своей статье обращается к периоду осложнения отношений между Москвой и Пекином в конце 1960-х гг. и описывает способы генерирования и инструментализации страхов в политических целях. Советский Союз вел «психологическую войну» посредством проведения военных испытаний в приграничных областях и распространения слухов о превентивных ударах против атомных производств Китая. Мао Цзэдун, в свою очередь, использовал кампанию страха в самом Китае для подавления фракционной борьбы в партии и подготовки страны к новому витку Холодной войны.

В заключительной статье раздела, посвященной дискуссии западногерманских политиков по поводу подписания договора о нераспространении ядерного оружия, О. Банге (с. 278–307) приходит к выводу о том, что сопровождавшая эти дебаты актуализация антинемецких страхов использовалась как соседней Францией в целях консолидации политического режима, так и Советским Союзом как инструмент успокоения Восточного блока после подавления Пражской весны.

«Терапии» – так озаглавлен третий раздел сборника, посвященный социальным практикам, создающим противовес страху – будь то неформальная коммуникация и неофициальная религиозность, интеллектуальные дискурсы или оппозиционные движения. Все статьи этой части сборника объединяет исходный тезис о решающем характере опыта прошедшей мировой катастрофы в формировании культуры страха Холодной войны. Д. Ярош (с.310–321) анализирует слухи в послевоенной

Польше как выражение коллективных страхов. В условиях существования строгой цензуры данный источник, по мнению автора, предоставляет исключительную возможность реконструировать наиболее распространенные опасения и надежды. Согласно слухам, новая война дала бы Польше шанс создать настоящий демократический общественный порядок. И хотя все устные истории были основаны исключительно на фантазиях «маленького человека», они превратились в важные компоненты принятия различных политических решений.

М. Шеер (с. 322–346) обращается к исследованию историй о явлениях Девы Марии, которые сопровождали начальный период Холодной войны во всей Европе, в том числе в Западной Германии, и приобрели мощный общественный резонанс. Наполненная апокалиптическими образами риторика Холодной войны привела к актуализации религиозных средств лечения общественных страхов. При отсутствии сходных исследований по другим конфессиональным группам, автор считает, что явление Марии можно трактовать как типичную реакцию католиков на страхи Холодной войны.

Визуальным средствам преодоления коллективных страхов посвящены статьи О. Булгаковой (с. 347–374) и М. Пайка (с. 375–396). Авторы утверждают, что независимо от принадлежности к разным общественным и культурным системам шпионские триллеры в Советском Союзе, США и Западной Германии выполняли удивительно сходную терапевтическую роль. На примере группы известных во всем мире интеллектуалов, входивших в состав аналитических отделов различных общественных организаций и спецслужб, Т. Б. Мюллер (с. 397–435) рассматривает их попытки противодействовать чувству страха и его политической инструментализации в период Холодной войны. Несмотря на множество аналитических обзоров и меморандумов, в которых аналитики пытались отказаться от бинарных мыслительных образцов, реальным результатом их влияния стал лишь план Маршалла. Другой формой их попыток компенсации общественных страхов стало участие интеллектуалов в движении Новых левых.

В статьях Х. Неринга (с. 436–464), Й. Арнольда (с. 465–494) и С. Шрегель (с. 495–520) предпринимается попытка написать историю западного, преимущественно западногерманского антиядерного протеста. Как выясняется, в отличие от традиционного пацифизма, его участники в 1950-е – 1960-е гг. не создавали утопий мирной политики, а подчеркивали свою потребность в личной безопасности, пытаясь перевести свои страхи с эмоционального языка на рациональный. Однако к началу

1980-х гг. в Западной Германии, напротив, возобладал эмоционально окрашенный апокалиптический сценарий «волны страха» перед атомной войной. Один из центральных тезисов статей об антиядерном протесте состоит в том, что артикуляция страха в период Холодной войны не может быть понята без учета роли воспоминаний о Второй мировой войне, которые определили позиции, ожидания и действия населения ФРГ во второй половине XX в. Именно «воздушная война» как место памяти и связанные с ней страхи превратились в важный инструмент оппозиции для мобилизации западногерманского населения против политики федерального правительства.

Сборник отмечен постановкой захватывающих вопросов и обилием ценного конкретно-исторического материала, в значительной части рассматривавшегося ранее под иным углом зрения или не рассматривавшегося вовсе. Вместе с тем, он демонстрирует определенную асимметрию, предлагая больше новаторских вопросов, чем ответов. Во-первых, попытка написать транснациональную историю эмоций Холодной войны не смогла отказаться от традиционной антитезы Запад-Восток – противопоставления, которое отчасти само является культурно-идеологическим детищем Холодной войны, но, к сожалению, продолжает использоваться в научных исследованиях как аксиоматический интерпретативный конструкт. В этом нетрудно убедиться: политика запугивания в сборнике представлена почти исключительно на материалах Восточного блока, в то время как стратегии преодоления страха – преимущественно на примере стран Центральной и Западной Европы (за исключением статьи О. Булгаковой). Такой подход затрудняет изучение Холодной войны как глобального явления, вызывавшего сходные реакции (и эмоции) по обе стороны «железного занавеса».

Во-вторых, довольно шаткой конструкцией представляется центральная концептуальная идея сборника о страхе как «эмоциональном центре Холодной войны», которая после прочтения статей видится скорее результатом договоренности авторов, чем безупречно доказанным тезисом. (Следует оговориться, что эта слишком сильная формула не встречается в текстах сборника, но присутствует – скорее всего, из коммерческих мотивов – в аннотации на обложке.) Страхи, репрезентированные в годы Холодной войны, имели более сложную историю. С одной стороны, многое (и сами материалы сборника) свидетельствует, что в первые годы глобального противостояния последствия военных действий с применением ядерного оружия явно недооценивались современниками: возможности превентивного ядерного удара или быстрой

послевоенной экологической нормализации рассматривались столь же серьезно, как и рекомендации литературы по гражданской обороне защищаться от прямых радиоактивных лучей в зоне видимости атомного взрыва с помощью портфеля или рук, прикрывающих голову. В визуальных образах – и не только в Советском Союзе – атом первоначально героизировался. Вплоть до 1980-х гг. страх табуировался как недостойная эмоция, в том числе в западном движении против гонки вооружений. С другой стороны, страх перед «русскими», которые «идут», и «американскими империалистами» не только неразрывно переплетался со страхом уничтожения в результате атомной катастрофы, но и затмевал его на протяжении большей части периода Холодной войны.

Этот факт ставит под сомнение идею о том, что наиболее благоприятная в XX веке конъюнктура для страха сложилась только в годы этого глобального конфликта: ведь одной из важнейших предпосылок конъюнктуры той или иной эмоции является то, что «определенное чувство / выражение эмоции становится явственнее, чем прежде, или воспринимается как более выраженное» (с. 498). Между тем, многое свидетельствует о том, что Вторая мировая война и межвоенный период (а отчасти и более ранние периоды), к которым апеллируют все авторы сборника, были временем не меньшей – если не большей – концентрации страхов перед коварными шпионами, безжалостным реальным или воображаемым противником и вероятностью новой тотальной войны. Весь арсенал нагнетания и преодоления страхов, использовавшийся в годы Холодной войны – будь то концепция превентивного удара и демонстрация силы на дипломатической сцене, показательные процессы и образы врага, эскалация политических и религиозных слухов, «военные тревоги» и т.д. – сложился в первой половине XX века. Этот «набор» оказался пригоден и активно употреблялся и во второй половине столетия. Цезура в глобальном развитии, связываемая с ядерным вооружением, была относительной, что отмечают и некоторые авторы сборника. Особенностью же Холодной войны являлось скорее драматичное отставание гуманитарного разума от инструментального, когда поведенческие матрицы и объяснительные клише явно не поспевали за грозными техническими достижениями.

Экскурс в историю межвоенной Европы, и в особенности ее тоталитарного «сектора», делает спорным и категоричный тезис одного из издателей сборника о том, что без Холодной войны основанные на страхе режимы Восточной Европы не могли бы быть «инсценированы и поддерживаться на протяжении десятилетий» (с. 24). Таким образом,

справедливо относя Холодную войну к ключевым событиям прошедшего столетия, авторы концепции сборника явно переусердствовали в демонстрации эксклюзивности ее эмоционального «веса» в истории XX в.

Как представляется, продуктивнее было бы рассматривать эмоциональную историю Холодной войны в более длительной перспективе существования биполярного мира, который сложился за два десятилетия до изобретения термина «Холодная война» и в определенной степени продолжает существовать в головах современников по сей день.

БИБЛИОГРАФИЯ

Матвеева С. И., Шлапенток В. Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск, 2000.

Плампер Я. Страх в русской армии в 1978–1917 гг.: к истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И. В. Нарского и др. Челябинск, 2007. С. 453–460.

Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера и др. М., 2010.

Greiner B. Angst im Kalten Krieg. Bilanz und Ausblick // Greiner B., Mueller Chr. Th., Walter D. (Hg.) Angst im Kalten Krieg. Hamburg, 2009.

Нагорная Оксана Сергеевна, кандидат исторических наук, сотрудник Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета; nagornaja.oxana@mail.ru

Нарский Игорь Владимирович, доктор исторических наук, директор Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета; inarsky@mail.ru